

«Стефан Цвейг»: фильм, достойный своего героя

«Стефан Цвейг: прощание с Европой»

Режиссер Мария Шрадер

В главных ролях: Йозеф Хадер, Барбара Сукова

Австрия, Германия, Франция, 2016, 106 мин.

Фильм Марии Шрадер рассказывает о последних годах Цвейга в изгнании. Сын принадлежавших к высшему сословию богатых родителей, родившийся в 1881 году в Вене, он к двадцатым годам нового века стал одним из самых читаемых в мире авторов. Цвейг был страстным гуманистом, горячо преданным идее пан-европейства. После Первой мировой его вилла в Альпах неподалеку от Зальцбурга стала своего рода Меккой для деятелей культуры — ее часто посещали Герберт Уэллс, Томас Манн, Джеймс Джойс, Рихард Штраус, Бела Барток и другие. Отсюда, с террасы, они смотрели через границу на южную Германию. В своей мемуарной книге «Вчерашний мир» Цвейг писал: «Мы провели столько счастливых часов, сидя на террасе,

любуюсь прекрасным мирным пейзажем и не подозревая, что прямо напротив, на горе Берхтесгартен, живет человек, который всех нас уничтожит».

Вилла Цвейга сосредоточивала в себе все, что Гитлер вознамерился стереть с лица земли, не только потому, что хозяин ее был евреем — она воплощала ненавидимый нацистами космополитический, эгалитаристский, демократический идеал. В 1934 году, меньше чем через год после прихода Гитлера к власти и за четыре года до аншлюса, Цвейг бежал из Австрии — сначала в Англию, а затем в Бразилию, где он и его жена Лотта покончили с собой в 1942-м.

Картина делится на шесть частей, прослеживающих постепенное погружение Цвейга в отчаяние по мере того, как Европа погружалась в мрак фашизма и кошмар войны. Эпизоды фильма являются своего рода очерками или этюдами, что тем более уместно ввиду того, что сам Цвейг был непревзойденным мастером исторических исследований в такой именно форме. В них он создавал портреты крупных фигур Западной цивилизации, одновременно проводя параллели с современностью.

Следуя фактам, режиссер и исполнитель главной роли изображают Цвейга как человека, не пожелавшего петь в либеральном хоре. На Международном конгрессе писателей в 1936 году Цвейг отказался отвечать на вопросы журналистов о нацистской Германии, объяснив, что не хочет осуждать свою страну и к тому же находится слишком далеко от злосчастий Германии, а «любой жест сопротивления, не сопряженный с риском и ущербом для личной безопасности, ничего не стоит, это пустые слова».

Современному зрителю, особенно с отчетливой гражданской позицией, такой двусмысленный пацифизм может показаться в лучшем случае наивным, а в худшем — робким и эгоцентричным. Поэтому актер, исполняющий эту роль, должен избежать двух опасностей: стать безжалостным обвинителем или слепым адвокатом своего героя. Австрийскому актеру Йозефу Хадеру это удалось, он сыграл Цвейга человеком, распадающимся под напором исторических событий, с ужасом вглядывающимся в грядущий Апокалипсис.

Фильм проникнут эмпатией к Цвейгу, но не безусловной симпатией к нему. Есть трагическая ирония в том, что космополит Цвейг не смог принять неожиданно обрушившегося на него космополитизма. В Бразилии он писал о том, «какое жалкое это ощущение — быть иностранцем», потому что на чужбине теряешь самоуважение. В самом забавном и горьком эпизоде фильма льстивый, но бестактный мэр затерянного в лесах Амазонии городка организует вечер в честь Цвейга. В своем напыщенном приветственном спиче мэр выражает надежду, что Цвейги скоро вернутся домой, ведь, по бразильской поговорке, «тот, у кого нет страны, нет будущего». При этих словах вытравленный стоицизм Цвейга покидает его, он с трудом сдерживает рыдание... а безбожно фальшивящий оркестр между тем наяривает «Die Blaue Donau», напоминая об утерянной родине.

Али Арикан, «Village Voice»

Перевод с английского Святослава Бакиса

Послесловие переводчика

Превратившись из переводчика в критика, кое-что добавлю. Цвейг, как он показан в фильме, угнетен тем, что неспособен оставаться на уровне собственных представлений о себе. Он привык считать себя человеком верным друзьям, но устал отвечать на их нескончаемые просьбы. Привык понимать мир, но сейчас его ум раздавлен происходящим. Привык быть

мужественным, прямо держать спину, но сейчас согнут отчаянием. Душевное состояние Цвейга можно пояснить таким сравнением. У Н. есть автомобиль, который исправно служит ему. Но вот произошло некое ЧП, например, лесной пожар, отчего Н. должен ехать по ухабистой проселочной дороге, и машина подвела, сломалась. А не случись пожара, он еще долго гонял бы по гладким шоссе,

пребывая в уверенности, что у него самая надежная машина на свете.

Цвейг интересовался фрейдизмом, написал очерк о Фрейде, многие его новеллы написаны под влиянием психоанализа. Фрустрацию героя фильма можно тоже объяснить «по Фрейду»: он не может принять и стыдится такого себя, какой сейчас перед ним открылся. Мы, зрители, благодаря проникновенной игре Хадера, понимаем состояние Цвейга и воспринимаем фильм не как чисто биографический, а как психологический, имеющий отношение к каждому из нас.